

И.И. Железнов

**Уральцы. Очерки быта
уральских казаков. Часть 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Железнов**
Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Часть 2 / И.И. Железнов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 374 с.

ISBN 978-5-458-14391-2

ISBN 978-5-458-14391-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

І.

ВАСИЛІЙ СТРУНЯШЕВЪ.

I.

Какъ теперь смотрю на сѣдаго и согбеннаго старика, тихо и молча расхаживающаго по набережной Гурьева городка, и безпрестанно смотрящаго за Уралъ, въ ту сторону, гдѣ течетъ р. Соколокъ (*), берега которой, въ былое время, часто оглашались боевыми криками и обагрялись кровью казачковъ и лютыхъ враговъ ихъ Киргизовъ — Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ этотъ старикъ, прошло уже болѣе пятнадцати лѣтъ, но степенный и грозный видъ его рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, и я никогда не забуду храбраго и безстрашнаго Василья Ивановича Струняшева, истаго казака уральскаго. Въ послѣднее время, какъ я узналъ его, ему было уже за восемьдесятъ лѣтъ, — но старость, измождивъ тѣло, согнувъ въ дугу станъ, нѣкогда стройный и высокій, пощадила однакожь его память и не со-

---

(*) Соколокъ — рукавъ Урала съ лѣвой стороны. Онъ отдѣляется отъ него противу Кандауровскаго форпоста, въ тридцати верстахъ отъ взморья.

всѣмъ уничтожила блескъ глазъ его, которые иногда свѣтились, какъ у юноши. Страненъ и причудливъ былъ характеръ Струняшева. Всѣ, знавшіе или видѣвшіе его, согласятся со мной: а кто изъ Гурьевцевъ не зналъ старика Струняшева, который со всѣми былъ какъ свой, какъ родной? Иногда онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, строгъ и дикъ, какъ медвѣдь, иногда же говорливъ, беззаченъ не по лѣтамъ и веселъ какъ дитя.

Бывало, опершись на посохъ, Струняшевъ по цѣлымъ часамъ, какъ истуканъ, стоялъ на одномъ мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ Киргизской степи—свидѣтельница его геройскихъ подвиговъ, его романическихъ приключеній, —свидѣтельница смерти роднаго его брата, который, въ борьбѣ съ Киргизами, сложилъ свои кости не погребенными на чужбинѣ. Воспоминаніе о братѣ, погибшемъ за него же, какъ увидимъ ниже, сильно тревожило старика и не разъ заставляло его вытирать рукавомъ халата слезы, какъ бы невольно выкатившіяся по впалымъ его щекамъ и бѣлой, какъ лунъ, бородѣ.—Вотъ въ эти-то минуты Струняшевъ былъ неприступенъ, звѣремъ смотрѣлъ въ землю, а ежели случалось изрѣдка взглянуть на людей, то не иначе, какъ изъ подлобья,—никому не отвѣчалъ на вопросы, хотя бы заговорилъ съ нимъ самъ отецъ Кипріанъ, всѣми уважаемый гурьевскій священникъ;—даже, пришедъ домой, онъ не удостоивалъ ни однимъ словомъ молодую казачку, которая ухаживала за нимъ, какъ за род-

нымъ дѣдомъ, и которую онъ любилъ какъ родную внучку. Эта казачка была вовсе чужая Струняшеву, но онъ любилъ ее больше роднаго дѣтища, больше всего на свѣтѣ. И не диво: она была внучка его невѣсты, его ненаглядной Даши, на которой не суждено было ему жениться, но которую онъ не оставлялъ любить и за гробомъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Наконецъ, время печали, время тоски и кручины минуется, взоръ Струняшева просвѣтляется, языкъ развязывается и старикъ дѣлается молодцомъ, такимъ удалымъ, безпечнымъ и веселымъ казакомъ, какимъ онъ былъ съ молодю, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ. Въ эти счастливыя минуты можно увидѣть Струняшева и въ кругу молодыхъ казаковъ, и на веселомъ пиру свадебномъ, и даже въ дѣвичьихъ хороводахъ,—словомъ, вездѣ, гдѣ гуляетъ и веселится безпечное казачество. Вездѣ, какъ говорится, Струняшевъ былъ на своемъ мѣстѣ. Молодымъ казакамъ онъ рассказывалъ про былое, бранное время, про наѣзды хищныхъ Киргизовъ, про жаркія дѣла, въ которыхъ храбрые Уральцы громили враговъ своихъ; научалъ молодежь, какъ ловчѣе бить неприятеля пикою, какъ удачнѣе и вѣрнѣе стрѣлять изъ винтовки, и прочее, и прочее. Въ бесѣдѣ съ людьми пожилыми онъ трактовалъ о хозяйствѣ, о рыболовствѣ, о сѣмѣ, о томъ, и, странное дѣло—самъ онъ подъ конецъ жизни не имѣлъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, а рѣчи его о хозяй-

ствѣ были такъ складны, такъ основательны, такъ справедливы, что никто не смѣлъ имъ не вѣрить. — Не отставалъ онъ и отъ пировъ и вечеровъ разгульныхъ, гдѣ всегда принимали его радушно, усаживали на первое почетное мѣсто. Тутъ онъ, хотя и не пилъ ни водки, ни вина, а былъ, такъ сказать, душею собранья; веселымъ шуткамъ и разнообразнымъ побасенкамъ, разумѣется, всегда насчетъ мужей-простофиль и женъ-хитрыхъ лисицъ, не было конца, и всѣ смѣялись до слезъ.

Посѣщая дѣвичьи хороводы, старикъ Струняшевъ и въ нихъ принималъ, хотя не прямое, но за всѣмъ тѣмъ не послѣднее участіе. Не смотря на преклонныя лѣта и сѣдые волосы Струняшева, присутствіе его въ хороводахъ ни кому не было въ тягость, а напротивъ, давало поводъ къ разнымъ шуткамъ и остротамъ насчетъ стараго холостяка. — Струняшевъ, какъ рыцарь, не былъ женатъ; въ томъ помѣшали ему, какъ самъ онъ говорилъ, судьба да поганые басурманы. — Бывало, какая-нибудь *востроглазая*, какъ называлъ Струняшевъ всѣхъ вообще дѣвушекъ, подбѣжитъ къ нему, схватитъ его за руку, и, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ, скажетъ:

— Дѣдушка хорошенькій! давай рябымъ (въ горѣлки) играть; будь моей парочкой.

— Спасибо, востроглазая, отвѣчаетъ Струняшевъ. — Радъ бы душой, да не могу; видитъ Богъ — не могу!

— Отъ чего не можешь, дѣдушка пригоженькій?

— Невѣста увидитъ, моя кралячка, и крѣпко пожуришь меня за это.

— А гдѣ твоя невѣста?

— Тамъ, голубушка, скажетъ съ непритворной грустію Струняшевъ, и укажетъ посохомъ или на небо, или въ поле за городъ, гдѣ возвышаются слюдовые холмы, осѣненные крестами и надгробными памятниками.

— Какъ же быть-то мнѣ, дѣдушка? опять заговорить плутовка, съ видомъ притворнаго горя.— Вѣдь я тебя больно люблю.

— И хорошо дѣлаешь, моя куропаточка, моя сѣренькая жавороночка, отвѣчаетъ Струняшевъ.— Если ты полюбишь, то и тебя полюбятъ.

— Кто-жь меня полюбитъ?

— А вотъ, сказать примѣромъ, хоть онъ.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ укажетъ на одного изъ казачатъ, но укажетъ такъ мѣтко, что дѣвушка, дотолѣ съ нимъ шутившая, вспыхнетъ какъ пылыя, зарумянится какъ заря утренняя, и убѣжитъ въ хороводъ, проговоря сквозь зубы: «ахъ, онъ старый хрѣнь! какъ онъ все знаетъ?»

Но такое житье-бытье, по словамъ самого Струняшева, было не житье для него, а что-то въ родѣ того.—На вопросъ: какъ поживаешь? Струняшевъ, бывало, съ грустію отвѣчаетъ: «да никакъ, право слово, никакъ, вѣдь я давно ужъ не живу все хороше прожилъ, а теперь, видно, за грѣхи мои, просто-на-просто не живу, а коротаю свой горькій

вѣкъ.—А вотъ, присовокупляетъ старикъ, если случится когда какая завороха, сирѣчь тревога, походи на Киргизовъ,—ну, тогда дѣло иное,—тогда я словно перерождаюсь, молодѣю, лѣтъ тридцать съ плечъ стряхиваю. Да что объ этомъ говорить? заключаетъ старикъ.—Это случается рѣдко.—Нынѣ времена не такія, орда поганая присмирѣла, — « *Джайкъ-Урусъ* (*) не свой братъ ».

Дѣйствительно, случись тревога, по поводу какого-нибудь киргизскаго набѣга, Струняшевъ первый явится на сборное мѣсто, но къ сожалѣнію, не на копь и не съ копьемъ, какъ въ прежнее время, а пѣшкомъ и съ клюкой въ рукѣ. Старость и дряхлость, убивъ силы, лишили его истиннаго, ни чѣмъ незамѣнимаго удовольствія—сразиться съ Киргизами и отмстить имъ за всѣ утраты, которыя онъ понесъ чрезъ ихъ хищничество,—отмстить за смерть брата, тѣнь котораго, кажется, всегда была предъ его глазами. Пади братъ его въ открытой битвѣ, онъ бы и «охъ» не сказалъ. Но братъ его погибъ измѣннически отъ рукъ басурмановъ,—и потому Струняшевъ во всю жизнь питалъ величайшую ненависть къ Киргизамъ, и на каждомъ шагу старался вредить имъ.

Вотъ раздался по городу звукъ колокола, возвѣщающій сборъ казаковъ для ратнаго дѣла. Одинъ за

(*) *Джайкъ-Урусъ* по-киргизски значить: Уральскій, т. е. Яицкій казакъ. У Киргизовъ Уральцы до сихъ поръ называются этимъ именемъ.

однимъ, съѣзжаются казаки на площадь передъ домомъ гурьевскаго атамана. Наконецъ собрались всѣ, и съ мѣста не трогаются. Подумаешь, что не готовъ еще атаманъ, или не всѣ собрались казаки, но атаманъ давно уже стоитъ на крыльцѣ въ полномъ вооруженіи, и туряменскій аргамакъ его роетъ отъ нетерпѣнія копытомъ землю; казаки всѣ въ строю.—Что же за причина такой медленности, когда каждый часъ, каждая минута дорога? Извѣстно что: Струняшевъ не осмотрѣлъ еще отряда. Вотъ онъ ходитъ по рядамъ казаковъ, осматриваетъ ихъ вооруженіе, а главное, коней. Въ это время, съ клюкой въ рукѣ вмѣсто жезла; Струняшевъ—истый фельдмаршалъ. Такъ ввѣрились въ Струняшева, что ни одна казачья партія не выйдетъ изъ Гурьева, чтобы не осмотрѣлъ ее Струняшевъ.

— У тебя, Миша, скажетъ онъ одному изъ казаковъ, конь не годится: перемѣни его.

— Помилуй, дѣдушка! возразитъ ему казакъ.— Какъ не годится? ты развѣ не видишь, мой конь земли подъ собой не чуетъ, такъ и рвется впередъ, — всѣ руки я надсадилъ, а все-таки усмирить его не могу.

— Это-то и скверно, голубчикъ, что конь твой земли подъ собой не чуетъ. Онъ больно жиренъ, давно неѣзженъ, оттого-то слишкомъ и горячится. Ужь ты послушай меня, старика, перемѣни коня: онъ на пятой верстѣ подъ тобой задохнется,—я

вижу это по глазамъ его. Завтра на немъ хоть въ Хиву жарь—выдюжить; а теперь не годится.

— Гриша! говоритъ Струняшевъ другому казаку: кто тебѣ коня-то сѣдлалъ и сумки-то приторачивалъ?

— Кто! отвѣчаетъ отчасти обидчивымъ, отчасти покорнымъ тономъ Гриша,—известно кто: самъ я, а не жена.

— Вотъ то-то и дурно, говоритъ Струняшевъ, что не жена: она бы получше твоего, глядишь, сѣдлала. Что выпучилъ глаза-то на меня? Ты не на меня, а на себя взгляни хорошенько, такъ и узнаешь, что я говорю правду. Вонъ подпруга-то какъ далеко назадъ подалась; этакъ не годится. Лошадь, какъ почуветъ щекотку, какъ разъ собьетъ съ козла: тогда ни за денежку пропадешь.—А сумки-то, сумки-то какъ привязаны, просто курамъ на смѣхъ... Эхъ, молодець, молодець! да этакъ бабы не привяжутъ. Смотри: одна сумка длиннѣй другой, она вѣдь перетянетъ сѣдло на бокъ, и спину у лошади испортитъ; тогда пойдешь, добрый молодець, пѣшкомъ въ чистомъ полѣ гулять, и сѣдло въ рукахъ носить.

— У тебя, Сысой, погонъ ружейный тонокъ, примолвить Струняшевъ третьему. Чего добраго: на скаку, да еще на грѣхъ, въ дѣлѣ, пожалуй, онъ оборвется; тогда прощай винтовка,—не только басурмана поразить, а и себя защитить не чѣмъ будетъ. Подкрѣпи, хоть веревкой, погонъ-то.